

М-73

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ И
АРХИТЕКТУРЕ ПРИ ГОССТРОЕ СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

На правах рукописи

МНАЦАКАНЯН СУРЕН СТЕПАНОВИЧ

МЕМОРИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

Специальность 18.00.01 — теория и история архитектуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

МОСКВА — 1978

Работа выполнена в Институте искусств Академии Наук Арм. ССР (Ереван).

Научный консультант—доктор архитектуры
ОГАНЕСЯН К. Л.

Официальные оппоненты:

доктор архитектуры ХАЛПАХЧЬЯН О. Х.,

кандидат архитектуры ПАПУХЯН Н. Ц.

Ведущая организация: Ордена Трудового Красного Знамени Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Ордена Ленина Академия Художеств СССР, Ленинград).

Защита состоится 14 марта 1978 года в 15 часов, на заседании специализированного совета Д-033.02.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора архитектуры при Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры Госгражданстроя СССР, по адресу: Москва, 121019, пр. Калинина, 5.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе научной информации и методического фонда ЦНИИ теории и истории архитектуры.

Автореферат разослан *10 февраля* 1978 года.

Ученый секретарь специализированного совета, кандидат архитектуры ЛОПОВОК Л. И.

Раннесредневековое зодчество Армении отличается большим разнообразием композиционных решений. До сих пор, однако, основное внимание ученых привлекали проблемы изучения культового и гражданского строительства средних веков; при этом многочисленные памятники мемориальной архитектуры так и не стали предметом монографического исследования.

Вопросы, касающиеся сооружений мемориального характера, до сих пор в основном разрабатывались в обзорных трудах, где ставились и решались проблемы истории и теории зодчества, археологии, искусствознания Армении. В ряде научных исследований были рассмотрены отдельные типы, чаще — отдельные памятники мемориальной архитектуры Армении IV–VII вв. Между тем только комплексное изучение всех без исключения типов строений этой ветви армянского зодчества, с привлечением как архитектурных, так и декоративно-пластических особенностей памятников, способно дать ценные сведения, проливающие свет на множество неясных вопросов становления и развития материальной культуры средневековой Армении.

Исследования последних лет показали, что мемориальная архитектура Армении IV–VII вв. есть самостоятельная ветвь средневекового зодчества страны и представляет собой оригинальное явление, единое функционально, со множеством применяемых схем и принципов архитектурной композиции. В мемориальных памятниках раннесредневековой Армении налицо ряд архаических черт и особенностей смыслового, символического значения (непосредственно отраженных в архитектурном решении памятников), восходящих к наследию зодчества древнего мира, к традициям урартского и античного строительного искусства. Явление, подобное этому, характерно для мемориальных сооружений многих стран и народов Востока; оно свидетельствует о традиционализме, который был изначально присущ мемориальным культам.

В Армении раннего средневековья это обстоятельство привело к тому, что традиции дохристианского зодчества были сохранены именно в мемориальных памятниках, - в то время как после официального принятия христианства (301 г.) культовое зодчество страны совершенно изменило свой облик; древние схемы и композиционные решения были отвергнуты, как олицетворение язычества.

В предлагаемой работе впервые делается попытка представить мемориальную архитектуру раннесредневековой Армении как единое смысловое и функциональное целое, с обобщением разрозненного и введением обширного нового историко-архитектурного и археологического материала; систематизировать, пересмотреть и дополнить типологию сооружений; проследить долгий и противоречивый путь развития решений, исторически сложившихся в этой ветви зодчества Армении; предложить архитектурную реконструкцию некоторых узловых памятников, основанную на новейших археологических разысканиях. При этом диссертант не ставит перед собой задачи исчерпывающего разрешения всех исследуемых вопросов. Этому требованию не отвечают ни установленные рамки кандидатской диссертации, ни степень однородности изученного материала, обусловленная нехваткой археологических данных. Многие мемориальные сооружения нуждаются в дальнейшей расчистке, а некоторые строения, анализ которых существенно важен для понимания путей развития мемориальной архитектуры Армении, недоступны для изучения.

Текст работы в объеме 146 стр. состоит из введения и обзора литературы, двух глав, заключения и примечаний. В приложении даны списки использованной литературы и иллюстраций. Вторая часть работы - альбом, включающий 56 таблиц (106 чертежей и фотоснимков). Большинство чертежей и фотоиллюстраций выполнено автором, многие из них представлены впервые. Вместе с тем использованы некоторые

чертежи из архива Управления по охране и реставрации архитектурных памятников Госстроя Арм.ССР и из архива акад. Н.Я. Марра (ДЮ Архива АН СССР), некоторые фотоснимки отпечатаны с негативов Государственного Исторического музея Арм.ССР (Ереван).

ВВЕДЕНИЕ и ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Предпринятое диссертантом комплексное исследование памятников мемориальной архитектуры Армении IV-VII вв. потребовало параллельного изучения как строительных, так и декоративно-пластических особенностей этих сооружений. При этом хронологические рамки работы определялись первым этапом развития искусства средневековой Армении; в IV-VII вв. были разработаны композиционные решения мемориальных стел и колонн, ярусных и башнеобразных усыпальниц, - решения, генетически связанные с архитектурной культурой Урарту и античного мира.

В работе представлены памятники, находящиеся на территории Арм. ССР. Некоторые сооружения, расположенные за пределами нашей страны, рассмотрены с привлечением опубликованных в печати материалов.

Руинированность многих мемориальных строений резко осложнила их изучение; некоторые памятники необходимо было расчищать, так как они неоднократно перестраивались. Потребовалось детально проработать труды историков средневековой Армении - Мовсеса Хоренаци, Агафангела, Фавстоса Бузанда, Корюна, Егише, Себеоса, Степаноса Таронаци (Асохика), Мовсеса Каганкатваци, Иоанна Драсханакертци, Степаноса Орбелиана, Аракела Давриджеци, авторов нового времени - Лео и О. Шахатунянца, что дало ценные сведения как о возведении, так и о дальнейшей судьбе многих мемориальных сооружений раннесредневековой Армении.

Начало подлинно научного изучения архитектурных памятников

древней и средневековой Армении неразрывно связано с деятельностью видных представителей научной школы русского востоковедения, прежде всего акад. Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова, И. А. Орбели. Новый этап в исследовании архитектурного наследия Армении начался после установления Советской власти. Работы Т. Тораманяна, Н. М. Токарского, А. Л. Якобсона заложили прочную основу для дальнейшей разработки многих проблем истории зодчества Армении, в том числе относящихся и к мемориальным сооружениям. В трудах Г. Овсепяна, Б. Н. Аракеляна, Л. Р. Азаряна проведено изучение декора и символики некоторых мемориальных памятников. Архитектурное своеобразие этих сооружений было затронуто в трудах ряда авторов. Изучению мемориальной архитектуры Закавказья посвящена неопубликованная работа Ю. С. Яралова. Эта ветвь средневекового зодчества Армении была затронута в ряде работ общего характера, в частности, в трудах В. М. Арутюняна, А. Б. Еремян, К. Г. Кафадаряна. Есть и несколько специальных исследований отдельных мемориальных памятников. М. М. Асратян в своих статьях "Два архитектурных памятника Лусакерта" и "Архитектурный комплекс Амараса" вводит в научный обиход два памятника раннего средневековья. С. Х. Мнацаканян в работе "Об одном неизвестном типе сооружений древнеармянской архитектуры" коснулся проблем генезиса башнеобразных мартириумов Армении. А. А. Саинян в своей статье "Архитектурный комплекс Зовуни" исследовал мемориальный ансамбль V в., интересный сочетанием усыпальницы и поминальной церкви зального типа. Одному из наиболее своеобразных мемориальных строений развитого средневековья посвящена статья О. Х. Халпахчьяна "Качающийся столб Татева", — при строительстве этого памятника мастера X в. применили оригинальное конструктивное решение, учитывающее сильную сейсмичность Армении.

Вопросам изучения строительно-конструктивных, декоративно-пластических особенностей, проблем генезиса мемориальных памятников

раннесредневековой Армении посвящено несколько научных работ диссертанта.

При изучении поставленных проблем диссертант использовал и зарубежную научную литературу, в частности, труды Г. Батлера, А. Грабара, Ш. Диля, Р. Краутхеймера, В. Лурье, С. Тер-Нерсисян, И. Стржиговского, Э. Панофски, Дж. Фергюсона и других ученых; в некоторых случаях это способствовало уточнению генезиса того или иного архитектурно-композиционного или же иконографического решения в мемориальных памятниках Армении IV—V вв.

ГЛАВА I. СТЕЛЫ, ПАМЯТНЫЕ КОЛОННЫ, ОБЪЕМНЫЕ КРЕСТЫ

Первая глава работы посвящена изучению мемориальных сооружений раннего средневековья, унаследовавших в своем принципиальном решении образ вертикального памятного знака, служившего культовым и надгробным символом с древнейших времен. Исследование показало, что истоки возникновения композиционных решений стел, мемориальных (памятных) колонн уходят в глубокую древность, к "вишам" эпохи бронзы — каменным монолитам, в рельефном убранстве которых отразилась тотемическая символика своего времени. Глиняные стелы и высокие антропоморфные идола древних святилищ Мецамора отразили в своем облике этапы развития материальной культуры Армении. Символические памятники Ванского царства — высокие, покрытые клинописью стелы на основаниях донесли до наших дней скупые строки, говорящие о строительных работах и военных походах урартских царей. Несколько иные по типу урартские стелы были обнаружены позднее (Эчмиадзин, Звартноц): они завершались полукружием, и в них был применен ряд конструктивных решений, наблюдающихся многие века спустя. В частности, таково массивное кубовидное основание стелы, к которому она крепилась специальным "зубом", входящим в соответствующее углубле-

ние на основании. Отметим, что такое же решение отличало армянские стелы эллинистического времени, возводившиеся при Арташесе I (189-160 гг. до н.э.) и служившие, как писал историк У. В. Мовсес Хоренаци, межевыми знаками. Его описание совпало с обликом арташесидских стел, обнаруженных раскопками археологов.

Как можно судить по письменным источникам, в Армении II в. до н.э., одной из стран эллинистической ойкумены, были известны также и мемориальные стелы с рельефными изображениями предков.

Стелы не были единственным типом в этой ветви армянского зодчества. Известны свидетельства историков о сооружении мемориальных (памятных) колонн задолго до принятия в 301 г. христианства. Такие сооружения, как показало исследование, имели несомненную генетическую связь с архитектурным наследием греко-римского мира. И сам факт того, что сооружение памятных колонн продолжалось в Армении на протяжении всего средневековья, свидетельствует о преемственности античных традиций в мемориальной архитектуре страны.

Распространение христианства явилось своеобразным рубежом в истории развития архитектурной культуры ряда стран Переднего Востока. Получив клеймо язычества, уничтожались многие древние культовые строения, алтари огнепоклонников, статуи богов местного и эллинистического пантеона. При этом, однако, лишь в небольшой степени были затронуты традиции, существовавшие в мемориальной архитектуре Армении. Сохранение принципов объемно-пространственного решения ряда типов мемориальных памятников на рубеже III и IV вв. не было случайным явлением. Функциональные изменения в конструкции и декоре культовых строений, диктовавшиеся (наряду с другими причинами) необходимостью создания обширного интерьера, требуемого христианским культом, естественно, не могли определяющим образом повлиять на облик "малых форм" мемориальной архитектуры - стел и памятных колонн.

В зодчестве большинства стран и народов мира эта ветвь обладала большой консервативностью, способствовавшей фиксации древних принципов архитектурного решения. На примере многих сооружений раннего средневековья, сохранивших в своем облике черты, присущие мемориальной архитектуре древнего мира, можно убедиться в том, что античные и древневосточные традиции возведения мемориальных стел и колонн были хорошо известны в зодчестве средневековой Армении. Явление, подобное этому, типично для искусства Запада, где преемственность такого рода определялась наследием античной культуры и была вполне естественной; но в полной мере его своеобразие можно оценить, лишь вспомнив историческую ситуацию в Армении IV века, где памятники дохристианского времени уничтожались или же до неузнаваемости перестраивались.

Функциональное предназначение мемориальных стел и колонн было различным. Их ставили в знак победы христианства, в честь побед над врагом, в память героев, павших в боях с иноземными завоевателями. Иногда на лицевых поверхностях стел высекались рельефные изображения светских лиц в "моленной" позе. Исследование вопроса показало, что стелы и колонны не ставились непосредственно над захоронением; этой цели служили особые надгробия с надписями, а мемориальные строения - стелы или колонны (как правило, на ступенчатом стилобате) возводились неподалеку, обычно к востоку от могилы.

Точная датировка исследуемых сооружений сопряжена со значительными трудностями, а в ряде случаев и невозможна. Плохая сохранность памятников, уничтожавшихся завоевателями, консервативность раннехристианской иконографии, отсутствие существенных различий в строительной технике - все это в большинстве случаев не позволяет точно установить дату ряда строений с научной достоверностью. В некоторых случаях диссертант обращается к иконографическому анализу сюжетных

рельефов, сохранившихся на мемориальных памятниках раннего средневековья, что позволило уточнить их смысловое, символическое значение, а следовательно, и примерное время возведения.

Анализируя особенности композиции стел и мемориальных (памятных) колонн Армении IV-VII вв., диссертант отмечает существование определенной общности в их решениях; явление это, не свойственное античным памятникам этих типов, характеризует своеобразие подхода армянских мастеров. Здесь налицо определенное отражение древних урартских традиций строительства высоких стел на кубовидном основании. В отличие от этого, истоки возникновения мемориальных колонн в зодчестве Армении раннего средневековья следует искать в наследии античного мира; но и здесь армянские мастера трансформировали привнесенную традицию - появление массивных кубовидных оснований и многоступенчатых стилобатов свидетельствует о учете местной специфики строительства высоких, отдельно стоящих памятников, обусловленной сильной сейсмичностью Армении. Это решение, примененное в сочетании с пропорциональным уменьшением высоты фуста колонны, было призвано обеспечить долговечность строений. Количество ступеней стилобата доходило до восьми (Ангехакот). Стилобат выкладывался из крупных камней правильной тески, внутрь укладывался бутобетон. На верхней ступени стилобата, в небольшом углублении, укреплялось массивное кубовидное основание сооружения, - часто его стороны покрывались сюжетными и символическими рельефами, изображавшими светских лиц (обычно ктиторов), персонажей местных легенд, ветхозаветных преданий.

Конструктивные особенности узлов крепления стел и колонн IV-VI вв. почти идентичны тем, что отличают памятники Урарту и эллинистической Армении. Крепление осуществлялось "всухую", без раствора. При этом фуст своим нижним концом входил в углубление кубовидного осно-

вания, а капитель насаживалась на верхнюю часть фуста; в качестве дополнительного крепления использовались специальные фиксаторы (каменные либо вытесанные из твердых пород дерева), соединявшие фуст с основанием и капителью. В отдельных случаях под фустом размещались базы; они своим плинтом (имевшим квадратное сечение) входили в углубление на верхней плоскости кубовидного основания. Известны мемориальные колонны с круглыми, восьмигранными и квадратными в сечении фустами; в последнем случае углы фуста обычно оформлялись трехчетвертными валиками. Фуст венчался капителью, импостной либо корзиночной, с волютами. Поверхности многих импостных капителей прорабатывались рельефами, в своей иконографии типичными для раннего периода развития (IV-VII вв.) монументального искусства Армении. Над капителью возвышался объемный крест со свободно изваянными тяблами (высота его доходила до 0,8 - 1,10 м). Стилизованные элементы растительного "подножия" креста, решенные объемно, иногда доходили до боковых его тябел, принимая на себя их тяжесть. Далеким отзвуком такого конструктивного решения IV-VII вв. представляется рельефное изображение крестов с пышным растительным "подножием" на хачкарах IX-XIII вв., где элементы "цветения" сомкнуты с боковыми тяблами крестов.

Лицевая, покрытая декоративной резьбой сторона навершия-креста была обращена к западу, с тем, чтобы молящиеся смотрели на восток; таким образом, в мемориальных памятниках раннесредневековой Армении четко соблюдались принципы ориентации по сторонам света, характерные для христианского зодчества.

Мемориальные стелы Армении IV-VII вв. решались не только архитектурными, но также и декоративно-пластическими средствами выражения; поверхности многих стел покрывались тонкой, тщательно детализированной резьбой, рассчитанной на обозрение с минимально близкого рас-

стояния.

Верхняя часть некоторых стел трапециевидно расширялась, образуя своеобразную "капитель", также завершавшуюся небольшим объемным крестом. В ряде случаев стелы (и колонны "квадратного" сечения) имели своеобразное "балдахинобразное" навершие со сквозными арочками; на нем устанавливался небольшой крест (Аван, Парби). Иногда верхнюю часть стелы мастера оформляли не сквозным, а рельефно прорисованным "балдахином" (Одзун).

В декоративном убранстве многих стел раннего средневековья нашли отражение мотивы, типичные для раннехристианской иконографии. При этом, как показали исследования диссертанта, стелы ряда местностей северной Армении, высекавшиеся из мелкозернистого фельзитового туфа, отличаются большим своеобразием, резко выделяющим их на фоне других мемориальных памятников Армении. Иконографическая связь рельефов VI-VII вв. (Одзун, Шнох, Дсех) с византийским декоративно-прикладным искусством, с мелкой пластикой сиро-палестинского круга, характерна и для некоторых памятников соседней Грузии (Хандиси), также имеющих мемориальное предназначение; это обстоятельство дает основание говорить (в порядке постановки вопроса) о существовании в этом регионе своеобразной школы архитектурного рельефа, школы, тесно связанной с унаследовавшим эллинистические традиции искусством Византии.

До недавнего времени в специальной литературе отмечалось существование двух основных типов мемориальных памятников (стел и колонн на стилобате). Исследования диссертанта показали, что в Армении раннего средневековья был хорошо известен и широко применялся еще один архитектурный тип мемориально-символического характера - объемный крест-монумент на основании (иногда на ступенчатом стилобате). Такие кресты двухметровой высоты устанавливались на развалинах языческих храмов и святилищ в период распространения христианства. Новей-

шие археологические разыскания подтверждают свидетельства историков раннего средневековья о существовании подобных памятников. В работе предложена архитектурная реконструкция ряда сооружений такого типа. Архитектурное и декоративно-пластическое решение крестов-монументов на основании (Двин, Кохб, Ованнаванк и др.), неразрывно связанное с символическими представлениями своего времени, претерпело впоследствии определенную трансформацию. Как показано диссертантом, именно эти памятники генетически предшествовали появлению рельефных крестов, высекавшихся на каменных плитах, - хачкаров IX-XII вв.

ГЛАВА II. УСЫПАЛЬНИЦЫ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ МОНУМЕНТЫ.

Вторая глава работы посвящена исследованию монументальных сооружений мемориального характера, возводившихся в Армении в IV-VII вв. В первой части главы рассмотрены предпосылки возникновения архитектурных композиций усыпальниц раннего средневековья; во второй ее части проведено изучение узловых памятников, в которых наиболее характерно отражено многообразие типов, существовавших в мемориальной архитектуре Армении того времени.

Традиции мемориального строительства на территории Армении уходят в глубь веков. Сооружения древнего периода представлены в работе как неотъемлемое звено в архитектурном процессе; памятники эпохи бронзы, урартские строения с погребальными камерами свидетельствуют о существовании определенных традиций возведения подземных, ярусных, башнеобразных мемориальных построек. Проникновение греко-римской, эллинистической культуры привело к тому, что в мемориальной архитектуре страны появились элементы, связанные с наследием классического зодчества. В частности, явление это характерно для

усыпальниц, открытых недавними раскопками в Паракаре и Сисиане.

Исследования диссертанта позволили по-новому осветить проблему генетической связи эллинистических башнеобразных усыпальниц с некоторыми армянскими памятниками этого типа (прежде всего с мартириумами дев-Рипсимид в Вагаршапате). Предпринятое в работе изучение традиций ярусного строительства мемориальных памятников Армении IV-VII вв. показало, что они восходят к наследию зодчества Ахеменидского Ирана и греко-римского мира. Смысловое обоснование ярусной компоновки армянских мемориальных строений тесно связано с запретом армянской церкви хоронить внутри культовых строений. Как показано в работе, этим запретом, явно унаследованным от античной культуры (где подобное же обстоятельство привело к разработке многих типов мемориальных сооружений), было обусловлено возникновение двухъярусных композиций мемориальных памятников в Армении IV в., со своеобразным сочетанием крипты (или большой усыпальницы) первого яруса с часовней (или башенным строением) второго яруса, - здесь проводилось поминовение усопших.

Как показало изучение анийских материалов Н.Я.Марра, подобное решение мемориальных строений Армении имело не только античные, но и древневосточные, в частности, иранские корни. Своеобразное "сооружение с 4-х пилонами", раскопанное Н.Я.Марром в 1908-1909 гг. (Ани, близ ц. Апостолов), имело, как теперь можно судить, четыре близко размещенных массивных пилон; они перекрывались тяжелым куполом иранского типа, где отсутствовал пояс перехода, а круглое основание куполообразного навершия опиралось непосредственно на квадрат, образованный четырьмя мощными арками. В пользу мемориального характера анийского "балдахина", как показывает диссертант, говорят найденные в его руинах детали небольшой мемориальной (памятной) колонны, очевидно, стоявшей под шатром, заменяя собой античный

саркофаг (вообще в Армении неизвестны саркофаги, расположенные под открытым небом; мастера применяли в таких случаях привычные формы надгробия - стелы или колонны). Диссертант предложил архитектурную реконструкцию анийского памятника, определив его как четырехстолпное балдахинообразное сооружение мемориального характера, впоследствии перестроенное в часовню типа тетраконха. В специальной литературе известно аналогичное строение в Черми (Грузия), как хронологически, так и типологически близкое анийскому памятнику. В его архитектурной композиции также наблюдается связь с иранскими святилищами огнепоклонников - чортаками. Но тот факт, что под шатром Черми, как и в Ани, было захоронение, дает диссертанту основания предполагать, что сооружения такого типа явились предтечами возникновения некоторых мемориальных памятников раннего средневековья, характерных сочетанием погребения (первый ярус) и своеобразного "балдахина" (второй ярус).

Принятие Арменией христианства в качестве государственной религии (301 г.) сопровождалось образованием культовых центров в местах, издавна отмеченных памятью народа. Так возникли мартириумы дев-Рипсимид в Вагаршапате; по преданию, это были первые архитектурные сооружения, возведенные после принятия христианства. Диссертант провел в работе параллельное исследование архитектурных особенностей этих мартириумов и сведений о них, содержащихся в трудах историков средневековой Армении. Такой подход позволил уточнить существенно важные обстоятельства, связанные с происхождением, символическим предназначением, архитектурным обликом и строительной техникой этих мемориальных памятников.

Тесная связь с традициями античного и древневосточного мира проявилась и в терминологических параллелях, характерных для ряда сооружений этой ветви армянского зодчества: понятия "мартиросаран"

и "вкайаран", которыми обозначались некоторые типы мемориальных строений Армении, восходят к греческому и древнеиранскому (пехлевийскому) языкам. Сам факт того, что в мемориальных традициях Армении раннего средневековья налицо элементы античного культа героев, может быть доказан многочисленными отражениями в архитектурной композиции целого ряда ярусных сооружений, в которых сочетались погребение и церковь, предназначенная для поминального церемониала. Как показали исследования диссертанта, существование апсид в подземных и полуподземных помещениях усыпальниц Армении IV-V вв. свидетельствует о том, что здесь проводились поминальные службы, приуроченные к определенным дням года. По свидетельству историка Фавстоса Бузанда, герои, павшие за освобождение Армении от иноземных завоевателей, почитались наравне с мучениками, канонизированными церковью.

В работе предложена типологическая классификация всех известных мемориальных памятников Армении раннего средневековья. При этом выделены мартиумы, посвященные памяти общехристианских "святых" и первых христиан страны; усыпальницы видных представителей феодальной и духовной знати, в частности, мемориальный ансамбль Ошакана, где похоронен создатель армянского алфавита Месроп Маштоц; наконец, сооружения символического характера, генетически связанные с архитектурным наследием античного мира, - в предлагаемой работе они впервые выделены в отдельное типологическое звено.

В работе детально исследован наиболее ранний точно датированный памятник средневекового зодчества Армении, связанный с захоронением династии Аршакидов (60-е годы IV в.). Это усыпальница в Ахце, где, по свидетельству историков, были погребены останки царей, правивших страной как до, так и после принятия христианства. В скульптурном убранстве Ахца, для которого характерен симбиоз раннехрис-

тианской символики и образов легендарного древнеармянского эпоса, отразились начальные этапы развития изобразительного рельефа Армении первых веков нашей эры.

После расчистки территории, проведенной в 1972/1973 гг., выяснилось, что здесь существовал большой мемориальный ансамбль, в котором кроме усыпальницы, была трехнефная базилика IV-V вв. и ряд мемориальных (памятных) колонн на ступенчатых стилобатах.

Ступенчатое основание памятника, открытое после расчистки, так же как и некоторые особенности строительной техники, дали основание пересмотреть прежние представления об Ахце, как о подземном, катакомбного типа сооружении. На основании новых данных диссертант предложил архитектурную реконструкцию усыпальницы IV в. в Ахце, в которой она предстает как двухъярусное строение, с усыпальницей (криптой) первого яруса и одностефной зальной церковью второго яруса, предназначавшейся для поминального церемониала. То, что подобное решение применялось в мемориальной архитектуре Армении раннего средневековья, может быть подтверждено открытием ряда ранее неизвестных сооружений, в частности, двухъярусной церкви-усыпальницы Карениса, возведенной в VII веке, где также налицо сочетание крипты первого яруса и сооруженной над ней одностефной зальной церкви. Следует отметить, что ступенчатый стилобат, ведущий ко второму ярусу усыпальницы в Ахце, был известен и в архитектуре Грузии (малая церковь Джвари).

Композиционное решение памятника в Ахце, в котором отражены древние традиции возведения мемориальных строений на ступенчатом стилобате (восходящие к гробницам Кира и Камбиза), свидетельствует о тесной связи мемориальной архитектуры Армении IV-V вв. с зодчеством древнего мира. Следует указать, что в Армении было известно еще несколько подобных решений, - таковы скальные усыпальницы Ани, от-

крытые Н.А.Марром и детально исследованные Н.М.Токарским. Наличие в них апсид также указывает на то, что здесь проводилось поминовение усопших.

Однонефная зальная церковь, предназначенная для поминовения, возводилась не только в втором ярусе усыпальницы, но иногда также и рядом с ней. То, что это решение было распространено, показывает изучение небольшого мемориального ансамбля V в. в Зовуни. На основании изучения сохранившихся деталей комплекса диссертант предложил в работе его архитектурную реконструкцию, по которой памятник первоначально представлял собой сочетание однонефной зальной церкви и башнеобразной усыпальницы с арочным навершием (наподобие навершия усыпальницы Рипсиме). При этом было установлено, что подземелье сооружения перекрывалось деревом, — никаких следов сводчатого каменного перекрытия не обнаружено.

В мемориальной архитектуре Армении раннего средневековья был распространен и другой тип ярусного строения, унаследовавший черты, присущие эллинистическому зодчеству Переднего Востока. Башнеобразное сооружение, связанное с историей распространения христианства в Армении, изображено на одном из рельефов скульптурного цикла мемориального монумента в Оджуне. Как было установлено специалистами, оно передает облик реально существовавшего мавзолея св.Рипсиме. Исследования диссертанта позволили уточнить и дополнить эту версию, причем сопоставив новые разыскания со свидетельствами историков, писавших о возведении мемориальных памятников в Вагаршапате.

Как показали исследования последнего времени, архитектурный облик башнеобразных строений мемориального характера, сооружавшихся в Армении на протяжении целого тысячелетия, имеет прямые параллели в зодчестве древнего мира (Кааба-и-Зардушт, некоторые усыпальницы Триполитании, Сицилии и Пальмиры, сирийские памятники, — например,

гробница в Браде П в.н.э., и др.). В Армении хорошо известны двухэтажные церкви-усыпальницы Егварда, Нораванка и Капутана (все — XIV в.), где над архитектурно оформленным захоронением (первый ярус) возвышается крестообразная поминальная церковь с изящной ротондой (кстати, генетически связанной с древним балдахинообразным навершием целого ряда мемориальных сооружений древнего и раннесредневекового периода).

Многие нахарарские (княжеские) роды средневековой Армении имели свои фамильные усыпальницы. Как правило, архитектурное решение таких сооружений несколько скромнее; наиболее распространено было сочетание однонефной зальной церкви и памятника на ступенчатом стилобате рядом с ней — обычно стелы или колонны, причем кубовидное основание (а иногда и капитель) покрывалось рельефными изображениями символического характера.

Такие фамильные усыпальницы обычно сооружались на родовых кладбищах, вокруг них строились все новые мемориальные памятники. В работе представлены мемориальные ансамбли в Джрвеже и Аване, Дсехе и Ардви; при этом исследование архитектурных особенностей диссертант дополнил иконографическим анализом некоторых сюжетных рельефов, размещенных на стелах, капителях, кубовидных основаниях колонн. Подобный подход к изучению архитектурного памятника позволил уточнить смысловое его предназначение, а также датировку.

Однонефные зальные церкви, возводившиеся близ захоронения, не были единственным типом такого строения. В VI-VII вв., с распространением купольных композиций, стали возводиться также небольшие крестообразные часовни (Арзни, Лмбат, Арташаван, Кармравор и др.). При этом наблюдаются и некоторые варианты ансамблевого решения; как правило, поминальные церкви уже не возводятся близ одного значительного захоронения, а ставятся на родовом кладбище, являясь архитектур-

ной доминантой мемориального ансамбля. Такие часовни, как правило, вмещавшие не более десяти человек, в большинстве своем имели характер поминальной церкви.

Исследования диссертанта показали, что в мемориальной архитектуре раннесредневековой Армении существовали, наряду с обычными, также и своеобразные памятники символического характера, по всем данным не связанные с наличием конкретного захоронения (если же оно в отдельных случаях и существовало, имена погребенных оставались неизвестны). В работе они выделены в самостоятельное типологическое звено. В него диссертант включил символический памятник над "рвом" — колодцем античного Арташата, — Хор-Вирап, связанный с именем Григория Просветителя; арочные монументы в Одзуне и Агудли; наконец, усыпальницу неизвестных армян в Иерусалиме. Являясь воплощением одной и той же идеи увековечивания памяти о тех или иных выдающихся событиях в жизни страны, памяти павших героев, памяти об основании первых христианских храмов, подобные символические сооружения свидетельствуют о существовании самостоятельного, почти совершенно неизученного направления в архитектуре Армении. На конкретных примерах диссертант показывает, что именно в таких строениях ярче всего прослеживаются архитектурные традиции предшествующего, дохристианского времени. Если в традиционно-культовых, церковных сооружениях они постепенно нивелировались, то здесь дело обстоит по-иному. Мастера, возводившие такие памятники, видимо, не были жестко связаны церковными канонами, — ведь символические сооружения не получили особого распространения в христианском зодчестве. Это обстоятельство открывало путь прямому использованию композиций, сложившихся в античном мемориальном зодчестве, что и было сделано при сооружении арочных монументов в Одзуне и в Агудли.

Анализируя архитектурные особенности Хор-Вирапа, диссертант

поочередно останавливается на всех вариантах его возможного решения; пользуясь методикой сравнительного анализа, сочетающейся с параллельным изучением сведений историков, он обосновывает новую версию возможного решения этого, неоднократно перестраивавшегося, памятника мемориальной архитектуры Армении.

Раскопками 1894 г. близ Дамасских Ворот в Иерусалиме была открыта ярусная церковь-усыпальница с мозаичным полом, возведенная в VI в. Надпись, выложенная по мозаике, гласит: "...На помин и спасение (души) всех армян, имена которых лишь Господу ведомы". Памятник в Иерусалиме с полным основанием можно отнести к типу символического захоронения: хотя в подземном склепе и были найдены кости погребенных, имена их неизвестны. Возможно, что здесь были похоронены воины, павшие в бою. Анализируя особенности архитектурной композиции арочных монументов VI в. в Одзуне и VI в. в Агудли, диссертант определил их как символические памятники, т.е. отнес их в то же звено типологии, что и памятник в Иерусалиме. При этом ценные сведения о символическом предназначении Одзунского монумента дало использование иконографического анализа его рельефов. То обстоятельство, что монумент в Агудли также является символическим, подтверждается анализом решения его первого яруса. Он прорезан арками, имитирующими входы в склеп (на деле не существующий). Подобное решение, совершенно не встречающееся в мемориальных памятниках Армении, имеющих реальное захоронение, могло быть применено только в символическом строении, возведенном, вероятно, в память предков ктиторов.

Существование символических мемориальных памятников в архитектуре Армении раннего средневековья, специальное исследование которых впервые предпринято диссертантом, свидетельствует о том, что и спустя два-три столетия после распространения христианства, резко выдо-

изменившего символическое значение большинства культовых сооружений, в зодчестве (прежде всего мемориальном зодчестве) Армении были живы традиции, восходящие к наследию греко-римского мира, традиции, воплощенные в облике символических мемориальных памятников.

В конце второй главы (как и в конце первой) диссертант останавливается на анализе строений последующего периода. Исследования показали, что определенное изменение социально-политических условий, оживление светской жизни способствовало видоизменению архитектурного облика древних, традиционных памятников. Первый ярус церквей-усыпальниц приобретает вполне самостоятельное смысловое значение и оформляется по-новому (Ваганаванк). Появляются варианты с иным размещением поминальной церкви (Шахац-Кар, 1041 г.). Во втором ярусе усыпальниц теперь возводятся не зальные, а центричные строения (Татев). В Ани строится Пастушья церковь, центричное мемориальное сооружение с усыпальницей в первом ярусе и часовней - во втором. XIV веком датируются башнеобразные композиции двухэтажных церквей-усыпальниц (Егвард, Нораванк, Капутан). Ступенчатый "подход" ко второму ярусу здесь имеет глубоко символическое значение, в котором нашли отражение древние традиции возведения ярусных мемориальных памятников на ступенчатом стилобате, традиции тысячелетней давности (Ахц, 60-е годы IV в.). В развитом средневековье появляются гавиты (притворы) - своеобразные родовые усыпальницы, возводимые впритык к церкви. В своей композиции они были связаны с народным жилищем Армении. Гавиты обычно венчались шатровыми перекрытиями и ротондами, что представляется далекой реминисценцией древнего решения с балдахинообразным или ротондальным навершием, решения, известного в мемориальной архитектуре Армении (Ани, "сооружение о 4-х пилонах"; памятник-символ в Хор-Вирапе).

Одновременно с изучением архитектурного своеобразия мемориаль-

ных памятников диссертант подробно останавливается на их декоративно-пластических особенностях, анализирует детали смыслового и символического содержания, уделяет место иконографическому анализу сюжетных рельефов. Значительное внимание уделено также изучению сведений о мемориальных памятниках, содержащихся в трудах историков ранне-средневековой Армении.

Комплексное исследование всего многообразия архитектурных форм и композиций, элементов скульптурного и орнаментального декора, схем иконографического решения, символики и смыслового содержания памятников мемориальной архитектуры ранне-средневековой Армении, самостоятельной ветви армянского зодчества, предпринятое в предлагаемой работе, проливает свет на многие неясные вопросы развития и формирования архитектурного наследия Армении и позволяет зримо представить запечатленное в камне своеобразие восприятия и таланта мастеров - зодчих раннего средневековья.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ
ОПУБЛИКОВАНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1. Раннесредневековые мемориальные памятники в Аване, "Вестник АН Арм.ССР (общ.науки)", 1975, № 11.
2. Сооружение о 4-х колоннах в Ани, "Историко-Филологический Журнал АН Арм.ССР", 1975, № 4.
3. Античные традиции в композиции мемориальных памятников ранне-средневековой Армении, доклад на III Всесоюзной конференции по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР (Москва, 9-13/ХП, 1974). Тезисы опубликованы в сборнике "Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока", выпуск IX, издательство "Наука", Москва, 1977.
4. Новые материалы по конструктивному решению и декору памятных колонн раннего средневековья, доклад на I Республиканской научной конференции по проблемам искусства и архитектуры Армении (Ереван, 11-13/ІУ, 1975). Тезисы опубликованы в сборнике конференции, издательство АН Арм.ССР, Ереван, 1975.
5. Объемные кресты мартириев IV-VII вв. и рельефные кресты в монументальном искусстве средневековой Армении, доклад на II Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении (Ереван, 5-8/У, 1976). Тезисы опубликованы в сборнике конференции, издательство АН Арм.ССР, Ереван, 1976.
6. Композиция двухъярусных мартириумов в армянском раннесредневековом зодчестве, "Историко-Филологический Журнал АН Арм.ССР", 1976, № 4.
7. Принципы построения мемориальных сооружений в средневековой Армении, доклад на III Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении (Ереван, 4-7/У, 1977). Тезисы опубликованы в сборнике конференции, издательство АН Арм.ССР, Ереван, 1977.
8. Рельефные изображения и символика Даниила в мемориальной пластике Армении раннего средневековья, "Вестник АН Арм.ССР (общ.науки)", 1977, № 6.

ВФ 06705

Заказ 892

Тираж 180

Сдано в производство 14.09.1977 г., подписано к печати 6.09.1977 г.,
печ. 1,5 л., изд. 1,0 л., бумага № 1, 60×90/16.

Эчмиадзинская типография АН Армянской ССР